

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2019-8-1-311-317>

Н. ГАРТМАН И В. СЕЗЕМАН.
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ РЕЦЕНЗИИ Н. ГАРТМАНА
«О ВИЛЬГЕЛЬМЕ СЕЗЕМАНЕ» 1933*

ВЛАДИМИР БЕЛОВ

Доктор философских наук, профессор.

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук.

117198 Москва, Россия.

E-mail: belovvn@rambler.ru

Н. Гартман и В. Сеземан являются творцами так называемого «онтологического поворота» философии XX века. В статье проводится компаративистский анализ творчества этих двух философов, которые были хорошо знакомы друг с другом, начиная с юности. Определенная сложность такого анализа состоит в том, что, если Николай Гартман — классик, основоположник целого направления в философии XX века, влияние которого испытали многие философы, то Василий Сеземан, к сожалению, малоизвестный автор. Причинами такой малоизвестности являются, во-первых, почти полное отсутствие книг как результата исследований, поскольку Сеземан хотя и печатал довольно пространные работы, но лишь в виде статей, нимало не заботясь о том, чтобы затем издать их в книжном формате. Во-вторых, то обстоятельство, что он публиковался, в основном, в Литве и в литовских журналах, в которых большая часть работ была на литовском языке. И, в-третьих, Сеземан публиковал свои исследования на трех языках, два из которых русский и литовский — достаточно экзотичны для европейского философского сообщества до сих пор. Также в статье отмечается, что в своем оригинальном и самостоятельном творчестве Сеземан активно задействует и развивает прежде всего две концепции Гартмана. Выделение последним в феномене интуиции двух видов — непосредственной или стигматической и конспективной — помогает Сеземану более глубоко и разносторонне провести демаркацию между предметным и непредметным знанием. Учение Гартмана о многослойности или многоплановости бытия используется Сеземаном для того, чтобы развивать свои идеи относительно проблем иррациональности, вести речь о различных степенях напряженно-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

The research was conducted within the state support of the leading universities of the Russian Federation “5-100.”

сти внутренней жизни, преодолевать гносеологический дуализм предметного и непредметного знания в монизме высшей (божественной) реальности, утверждать то, что философия есть наука опытная.

Ключевые слова: Сеземан, Гартман, теория познания, онтология, логические законы, иррациональное, репрезентативная теория.

N. HARTMANN AND V. SESEMANN. THE PREFACE TO THE TRANSLATION OF N. HARTMANN'S REVIEW "ON WILHELM SESEMANN". 1933

VLADIMIR BELOV

DSc in Philosophy, Professor.
Peoples' Friendship University of Russia, Faculty of Humanities and Social Sciences.
117198 Moscow, Russia.
E-mail: belovvn@rambler.ru

N. Hartmann and V. Sesemann are the creators of the so-called 'ontological turn' of the philosophy of the twentieth century. The article presents a comparative analysis of the work of these two philosophers, who were familiar with each other since their youth. The analysis shows that although Nicolai Hartmann is a classic — the founder of the whole direction in the philosophy of the twentieth century, the influence of which have experienced many philosophers — Vasily Sesemann, unfortunately, is a little-known author. This is due, first of all, to the fact that Sesemann wrote lengthy articles instead of books and never republished them in collections. Secondly, he published them mainly in Lithuania and in the Lithuanian journals, where most of the works were in the Lithuanian language. Finally, Sesemann published his research in three languages, two of which were Russian and Lithuanian — quite exotic for the European philosophical community. The article also notes that in his original and independent work Sesemann actively uses and develops primarily two concepts of Hartmann. Hartmann's distinction between two types of intuition — direct or stigmatic and recapitulative — helps Sesemann to demarcate in a deeper and more multifaceted way between thematic and non-thematic knowledge. Hartmann's concept of multilayered or multidimensional existence is used by Sesemann to develop his ideas about the problems of irrationality, to talk about different degrees of tension of inner life, to overcome the epistemological dualism of objective and non-objective knowledge in the monism of the higher (divine) reality, and to assert that philosophy is an experimental science.

Key words: Sesemann, Hartmann, theory of knowledge, ontology, logical laws, irrational, representative theory.

Почти одноклассники (разница составляет два года), эти два уроженца Российской империи с немецкими корнями имеют такие похожие и одновременно такие разные судьбы. Следует начать с того, что Гартман и Сеземан — друзья юности. Они познакомились друг с другом, когда вместе посещали протестантскую гимназию св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Как замечает один из немецких исследователей жизни и творчества Н. Гартмана, в те годы начала XX века

эти юноши могли, увлекшись разговорами по религиозным и философским проблемам, ночи напролет бродить по улицам северной столицы от дома, где жил Гартман, к дому, где жил Сеземан, и обратно (Hartmann, 2000, 15).

Затем было увлечение медициной, предпочтение ей философии в Санкт-Петербургском университете, где друзья организовали философский кружок. Затем был один и тот же немецкий университет в Марбурге, в который они попали, правда, в разное время. Во время первой мировой войны друзья и коллеги оказались уже во враждующих лагерях: Сеземан служил в русской армии, Гартман — в немецкой.

В творческом отношении обоих наших авторов также связывает очень многое. Оба учились в Марбурге у выдающихся немецких неокантианцев и учителей — Когена и Наторпа и испытали влияние Марбургской школы неокантианства. Показателен в данном случае факт участия Гартмана и Сеземана в сборнике, посвященного 70-летию Когена (1912)¹, в который Наторп стремился отобрать наиболее интересных и уже заявивших о себе учеников основателя марбургской школы. Однако последовательными неокантианцами они не стали, как не стали и последовательными феноменологами, хотя и испытали значительное влияние Э. Гуссерля.

Обоих можно отнести к творцам так называемого «онтологического поворота» философии XX века.

Но есть и существенные отличия, и главное из них, сразу бросается в глаза: если Николай Гартман — классик, основоположник целого направления в философии XX века, влияние которого испытали многие философы, то Василий Сеземан — малоизвестный автор. Самый значительный исторический эпизод, когда упоминается его имя, связан с журналом «Логос» (1910–1914), одним из редакторов которого одно время числился и Сеземан. Кстати, две, по-видимому, основные причины такой малоизвестности своего друга и коллеги Гартман указал в своей, публикуемой здесь рецензии. Это, во-первых, отсутствие книг как результата исследований²: Сеземан печатал хотя и довольно пространственные работы, но лишь в виде статей, нимало не заботясь о том, чтобы затем издать их в книжном формате. Во-вторых, его публикации выходили в Литве, которая для европейского философа в то время была захолустьем, и в литовских журналах, в которых большая часть работ была на литовском

¹ У Гартмана была опубликована статья «Системообразование и идеализм» (Hartmann, 1912, 1–24), у Сеземана — «Этика Платона и проблема зла» (Sesemann, 1912, 170–190).

² При жизни философа в виде книги была опубликована только одна его работа по логике. И лишь спустя несколько лет после его смерти вторая по эстетике.

языке. Сразу хотелось бы дополнить эти причины еще одной, отнюдь немаловажной: свои работы Сеземан публиковал на трех языках, два из которых — русский и литовский — достаточно экзотичны для европейского философского сообщества до сих пор. Если еще напомнить о непростых биографических сюжетах, связанных с эмиграцией, переездом в Литву, фашистской оккупацией во время второй мировой войны, травлей и концлагерем во времена советской Литвы, то, наверное, стоит удивляться не тому, что о нем мало знают, а тому, что о нем не забыли, и мало-по-малу имя Сеземана приобретает достойные философские очертания³.

Имеется немало свидетельств того, что оба философа находились в тесном контакте друг с другом, следили за публикациями друг друга, находили общие темы и решения проблем. Ввиду того, что философия Гартмана изложена в крупных публикациях, доступна широкому кругу исследователей (в том числе и по причине изложения на немецком языке) и приобрела уже сравнительно давно черты законченной самостоятельной системы, может возникнуть подозрение, что влияние в решении схожих проблем происходило в одну сторону. Однако, не следует спешить с таким заключением. Даже схожесть тем и несовпадения по срокам, то есть более ранние сроки появления этих решений у Гартмана, еще не свидетельствует о заимствовании их у него Сеземаном. Потому что, во-первых, мы не можем установить по его многочисленным архивным работам сроки их подготовки и написания, но, самое главное, знакомство с творчеством Сеземана не оставляет никаких сомнений в том, что все общие с Гартманом темы разрабатывались им давно и самостоятельно, а те совпадения в общих решениях, которые раньше появляются у Гартмана, а затем встречаются и у Сеземана, естественным образом встраиваются и в системные построения отечественного философа. Поэтому более справедливо в данном случае вести речь о творческом влиянии и параллельных находках в постановках проблем и их решениях у этих двух выдающихся мыслителей, чем о заимствованиях.

Следует подчеркнуть две взаимосвязанные черты в творческих поисках Сеземана: глубокое погружение в традицию философствования и самостоятельность и критичность в ее освоении. Совсем неслучайно он является автором многочисленных статей, посвященных философам в истории философии,

³ Следует выделить две монографии, одну на английском языке (Botz-Bornstein, 2006), другую на литовском (Jonkus, 2015). А также двухтомное собрание сочинений Сеземана на литовском языке (Sezemanas, 1987) и (Sezemanas, 1997). Необходимо также указать на перевод на английский язык одного из основных трудов Сеземана (Sesemann, 2007).

обзоров и рецензий на современные ему философские издания, школы и направления в философии. И опять же совсем неслучайно в своих теоретических работах у него очень мало ссылок на исследования других авторов, хотя влияния некоторых из них и пересечения с их идейными прозрениями достаточно отчетливы. Одним из самых цитируемых оказывается Н. Гартман. Кроме статьи в «Литовской энциклопедии» на литовском языке, посвященной творчеству немецкого философа, Сеземан в 1925 году в единственном вышедшем в Праге после революции номере журнала «Логос» публикует развернутую рецензию на книгу Гартмана «Основные черты метафизики познания» (Hartmann, 1921), основные мысли которой в уже более сжатом варианте повторяет в «Обзоре новейшей германской философской литературы» (1928).

В отличие от публикуемого здесь перевода рецензии Гартмана, который сознательно уклонился от критики в адрес рецензируемой им статьи Сеземана, последний в своем анализе творчества немецкого философа предпочитает классическую схему, вначале рассматривая сильные стороны его учения, полностью самим Сеземаном разделяемые и поддерживаемые (в частности, критику Гартманом логицизма и методологизма марбургского неокантианства), затем обращаясь к разбору недостатков и ошибок. Критика Сеземаном Гартмана сводится к следующим основным моментам, которые имеют как раз важное значение для специфики философской позиции самого Сеземана. Во-первых, он указывает на то, что Гартман ориентируется на исследование проблем знания внешнего мира, недостаточно внимания уделяя познанию мира внутреннего. Во-вторых, проблема иррационального представлена у Гартмана недостаточно радикально в виду того, что почти полностью игнорируется рассмотрение форм опыта, отличных от естественнонаучной, таких как этическая, эстетическая и религиозная. И, наконец, в-третьих — и это, пожалуй, главная претензия Сеземана к Гартману — репрезентативная теория познания последнего. Данную теорию немецкий философ отстаивает, ссылаясь на истинность закона сознания или, другими словами, на наличие единственно возможного восприятия сознания, как закрытого, не способного выйти за свои пределы. Сам Сеземан в своих исследованиях придерживается иной позиции, исходящей из того, что первоначально внутреннего познания непредметно, как непредметен и возможный опыт выхода сознания за свои пределы и проникновения в ту реальность, которая больше реальности только познающего, волящего или оценивающего сознания.

Если говорить о влиянии Гартмана на Сеземана, то следует, прежде всего, указать на концепцию интуиции немецкого философа. По мнению Сеземана,

выделение Гартманом двух видов интуиции — непосредственной или стигматической и конспективной — вполне продуктивно, особенно в деле критики универсалистских претензий интуитивизма и феноменологии. Представители интуитивизма и феноменологии усматривают гносеологические преимущества стигматической интуиции в ее непосредственности, на самом же деле, согласно Гартману и Сеземану, она не приобретает таковых без интуиции конспективной. И если Гартман задействует анализ интуиции для подчеркивания сложностей в идеальном познания, для выяснения нюансов диалектики априорного и апостериорного в познавательном процессе, Сеземану такой анализ помогает более глубоко и разносторонне провести демаркацию между предметным и не-предметным знанием.

Также активно использует Сеземан оригинальное учение Гартмана о многослойности или многоплановости бытия. Эта концепция немецкого философа помогает ему развивать свои идеи относительно проблем иррациональности, вести речь о различных степенях напряженности внутренней жизни, преодолевать гносеологический дуализм предметного и непредметного знания в низизме высшей (божественной) реальности, утверждать то, что философия есть наука опытная, только

опыт, из которого она произрастает, есть опыт особого рода, опыт, который не противостоит человеку как нечто внешнее (как опыт внешнего мира, естественных наук) и который непосредственно постигается не в потоке переживаний повседневной практической жизни, но опыт, который доступен человеку только в редкие великие мгновения его жизни, мгновения, когда ему удастся мобилизовать совокупность своих духовных сил как нечто целое и единое и привести их к высшей концентрации и напряжению. (Sezeman, 2012, 132)

Что касается рецензии Гартмана, то кроме рецензируемой статьи, которую он упорно называет книгой, немецкий философ упоминает только две работы Сеземана, появившиеся ранее и связанные между собой не только содержательно, но и имеющие внешний признак единства, а именно общее название серии «Статьи по проблеме познания», отдельные статьи в которой были ее частями. Соответственно статья «О предметном и непредметном знании» (1927) была частью первой, а статья «Рациональное и иррациональное» (1927) — второй. Однако была и часть третья, вышедшая в том же журнале каунасского университета «Eranus» и в той же серии, но тремя годами позже и все же гораздо раньше, чем была опубликована рецензия: «Логически-рациональное» (1930). Самое удивительное здесь в том, что именно эта третья статья содержала отдельный параграф, посвященный критическому анализу определения логически-рацио-

нального в работе Гартмана “Основные черты метафизики познания”. Не упоминает немецкий философ в своей рецензии и еще одну значительную работу Сеземана 1927 года «К проблеме чистого знания», но вышедшую в отличие от ранее перечисленных в солидном немецком журнале «Философская газета». Почему это произошло, судить затруднительно, но можно сделать предположение о довольно небрежном и непостоянном внимании со стороны Гартмана к творчеству своего коллеги и друга.

REFERENCES

- Botz-Bornstein, T. (2006). *Vasily Sesemann Experience, Formalism and the Question of Being*. Amsterdam, New York: Rodopi.
- Harich, W. (2000). *Nicolai Hartmann: Leben, Werk, Wirkung*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Hartmann, N. (1912). Systembildung und Idealismus. In *Philosophisches Abhandlungen: Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht* (60–78). Berlin: B. Cassirer.
- Hartmann, N. (1921). *Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis*. Berlin: de Gruyter.
- Jonkus, D. (2015). *Vosylius Sezemano filosofija: savees pazxinimo ir estetinės patirties fenomenologija* [The Philosophy of Vasily Sesemann: A Phenomenology of Self-Awareness and Aesthetic Experience]. Vilnius: Versus Aureus. (in Lithuanian).
- Sesemann, V. (1912). Die Ethik Platos und das Problem des Bösen. In *Philosophisches Abhandlungen: Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht* (170–190). Berlin: B. Cassirer.
- Sesemann, V. (1932). Die logischen Gesetze und das Sein: a) Die logischen Gesetze im Verhältnis zum subjektbezogenen und psychischen Sein. b) Die logischen Gesetze und das daseinsautonome Sein. *Erasmus*, 2, 59–230.
- Sesemann, V. (2007). *Aesthetics*. Amsterdam, New York: Rodopi.
- Sezeman, V. (2012). *Problema idealizma v filosofii* [Problems of Idealism in Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 4, 127–134. (in Russian).
- Sezemanas, V. (1987). *Raštai. Gnoseologija* [Works. Epistemology]. Vilnius: Mintis. (in Lithuanian).
- Sezemanas, V. (1997). *Raštai. Filosofijos istorija. Kultūra* [Works. Philosophy of History. Culture]. Vilnius: Mintis. (in Lithuanian).